

Соколов Николай Кириллович

**О влиянии церкви на
историческое развитие права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Кириллович С.**
О влиянии церкви на историческое развитие права / Соколов Николай Кирил-
лович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 103 с.

ISBN 978-5-519-74569-7

ISBN 978-5-519-74569-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

объясненіе того, какъ сложился юридическій бытъ новыхъ европейскихъ народовъ, со всѣмъ почти не возможно безъ знакомства съ началами и устройствомъ средневѣковой церковной жизни, потому что церковь тогда давала тонъ общественной жизни и управляла ею; а каноническое право вмѣстѣ съ римскимъ было тогда главнымъ предметомъ изученія въ знаменитѣйшихъ европейскихъ университетахъ. Оттого, въ лучшихъ исторіяхъ европейской цивилизаціи столько же мѣста дается изслѣдованію явленій жизни церковной, изученію устройства и быта церкви, сколько событіямъ жизни общественной и государственной. Въ исторіи нашего отечества связь церковнаго элемента съ государственнымъ до такой степени несомнѣнна, что стоитъ припомнить массу церковно-гражданскихъ юридическихъ памятниковъ нашей древности, обратить вниманіе на обширный кругъ предметовъ церковнаго вѣдомства и юрисдикціи, на неменѣе обширную дѣятельность церкви въ качествѣ поземельнаго собственника, колонизатора и судьи, чтобы видѣть тѣсную связь отечественнаго церковнаго права съ государственнымъ и гражданскимъ. Съ этой стороны связь церковнаго права съ другими юридическими науками и его историческое значеніе въ общемъ развитіи права есть фактъ несомнѣнный и признанный. Именно сознаніе этой связи и родства и было, какъ мнѣ кажется, главнымъ основаніемъ и побужденіемъ ввести церковное право въ кругъ наукъ юридическихъ. Просвѣщенные составители новаго университетскаго устава безъ сомнѣнія живо чувствовали, что въ громадной картинѣ, представляющей разностороннее развитіе юридической жизни человѣчества—государственной общественной, частной, политической, экономической, финансовой и пр. есть одинъ очень замѣтный пробѣлъ, одна неосвѣщенная сторона, бросающая широкую тѣнь и на другія части картины. И эта темная сторона, которую нужно было освѣтить, была именно церковь, ея институты, ея право. Ученые юристы, проектировавшіе уставъ, безъ сомнѣнія ясно понимали, что среди наукъ, раскрывающихъ разнородныя стихіи, изъ которыхъ сложился юридическій бытъ всѣхъ образованныхъ

народовъ—стихіи римскую, германскую, славянскую и пр. недостаетъ одной науки, которая бы раскрыла каноническую стихію, ея вліяніе и участіе въ общей формациі юридическаго быта Европы. Безъ этой стихіи иное въ правовыхъ институтахъ представлялось неяснымъ неполнымъ, происхожденіе другихъ институтовъ или видоизмѣненія въ нихъ казались не понятными; чего-то недоставало для полной ясности и цѣльности юридическаго пониманія. И вотъ эта-то потребность полноты, цѣльности и законченности, безъ сомнѣнія, послужила побужденіемъ ввести въ кругъ юридическихъ наукъ каноническое право.

Трудность указанной мною задачи заключается болѣе во внѣшнихъ условіяхъ, среди которыхъ развивалась у насъ наука церковнаго права и въ томъ направленіи, какое она получила подъ вліяніемъ этихъ условій. Съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, раскрывать которыя здѣсь я не имѣю никакой нужды, церковная жизнь у насъ рѣзко отдѣлилась отъ жизни общественной и на церковь стали смотрѣть, какъ на какое-то замкнутое учрежденіе, ограниченное однимъ самозаключеннымъ сословіемъ, и церковное право стали понимать какъ сводъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ правилъ, относящихся къ практической дѣятельности именно этого сословія, нужныхъ и интересныхъ только для него, и до которыхъ мало дѣла всему остальному обществу. Въ такомъ представленіи самое понятіе науки очевидно исчезало и церковное право сводилось къ одному уровню съ какимъ нибудь горнымъ или лѣснымъ уставомъ, который нужно знать только спеціалистамъ по службѣ. При такомъ возрѣніи конечно не могло быть и рѣчи о внутренней связи церковнаго права съ другими юридическими науками. Подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ сама наука стала усваивать себѣ методы совершенно не соответствующіе ея внутреннему содержанію, превращалась въ сборникъ отрывочныхъ положеній для руководства духовнымъ лицамъ въ отправленіи различныхъ требъ и въ церковной практикѣ. Она была поставлена въ кругъ наукъ богословскихъ и при этомъ различіе между богословскимъ и юридическимъ элементомъ въ церковномъ пра-

въ было утрачено; оттого и самое содержаніе науки не могло быть строго опредѣлено, въ курсъ церковнаго права вносились вопросы, принадлежащіе или богословію, или церковной исторіи, или литургикѣ и т. п. Между тѣмъ вопросы чисто юридическіе напр. объ отношеніи церкви, къ государству, церковнаго суда къ свѣтскому, о церковной собственности и пр. немогли получить твердой основы для своего разрѣшенія. При обработкѣ права церкви слишкомъ мало обращалось вниманія на движеніе современной юридической науки вообще, на вновь выработанные методы и вновь поставленные задачи. Правовая жизнь церкви представлялась какъ будто со всѣмъ изолированную, неимѣющею никакихъ отношеній къ общей жизни человѣчества. Сравнительное изученіе права другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій не обращало на себя надлежащаго вниманія. Оттого многіе современные вопросы, относящіеся къ исторіи церковнаго права, объ отношеніи между правомъ восточной и римской церкви и протестантскихъ обществъ, вопросы о бракѣ, о присягѣ, о религіозныхъ преступленіяхъ и церковныхъ наказаніяхъ, о слѣдственномъ и обвинительномъ процессѣ, о поземельной церковной собственности не привлекали къ себѣ ученыхъ силъ и трудовъ канонистовъ. Вообще историческій и юридическій элементъ въ церковномъ правѣ былъ подавленъ чисто практическимъ.

Но время такихъ воззрѣній въ жизни и въ наукѣ, повидимому, слѣдуетъ назвать прошедшимъ. Теперь уже довольно живо чувствуется истина того, что церковь не есть замкнутое учрежденіе, напротивъ должна быть по преимуществу учрежденіемъ общественнымъ, что законы, которыми управляется ея жизнь не суть законы одного сословія и наконецъ, что самое это сословіе, по законамъ церкви, не есть и не должно быть кастою. Что касается въ особенности самой науки церковнаго права, то на ея образованіе оказала могущественное вліяніе всюду пробуждающаяся потребность народнаго самосознанія, которая на Западѣ обнаружилась въ исторической школѣ, а у насъ въ стремленіи къ изученію своего прошедшаго, къ разработкѣ историческихъ, археологическихъ и юридическихъ па-

мятниковъ. Подъ вліяніемъ этого стремленія сама собою образуется потребность каждый церковный институтъ обрабатывать исторически, слѣдить постепенное его развитіе и видоизмѣненія, сравнивать его съ аналогическими явленіями въ другихъ христіанскихъ церквахъ, рассмотреть въ связи съ политическими учрежденіями различныхъ государствъ, въ которыхъ существовала и существуетъ церковь. Какъ скоро приложенъ будетъ историко-сравнительный методъ къ церковно-юридическому матеріалу, сейчасъ же откроется, что церковное право слагается не изъ нѣсколькихъ сотенъ разрозненныхъ, безсвязныхъ и какъ бы случайныхъ правилъ, но имѣетъ дѣло съ величайшимъ изъ организмовъ, котораго исторія современна христіанству, что въ немъ должно быть представлено образованіе и развитіе такихъ институтовъ, которые имѣли всемірно-историческое значеніе, что развиваясь въ связи со всѣми другими сторонами юридической и соціальной жизни христіанскихъ народовъ, церковное право какъ само подвергалось болѣе или менѣе сильному ихъ вліянію, такъ съ своей стороны несомнѣнно вліяло на ихъ образованіе. Было бы весьма ошибочно предполагать, что въ обширной области каноническаго права содержатся только предметы исключительно относящіеся до церковнаго устройства и управленія въ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли представлять это теперь. Напротивъ, при ближайшемъ знакомствѣ съ источниками каноническаго права какъ въ западной церкви, такъ на Востокъ и у насъ въ Россіи открывается, что множество такъ называемыхъ свѣтскихъ предметовъ и отношеній государственной, гражданской, общественной жизни, прежде принадлежали или къ непосредственной области церковнаго вѣдомства, управленія и суда, или опредѣлялись подъ ближайшимъ вліяніемъ церкви. Укажемъ для примѣра на бракъ со всѣми изъ него вытекающими отношеніями въ области частнаго права, на завѣщанія, на право наслѣдственное, на судопроизводство, на рабство и т. п. Всѣ эти и многіе другіе институты прямо, или косвенно опредѣлялись въ церковномъ-законодательствѣ, слѣдовательно основательное историческое и юридиче-

ское изученіе ихъ необходимо предполагаетъ научное знакомство съ каноническимъ правомъ. Справедливость этого положенія живо почувствована лучшими представителями юридической науки на Западѣ; въ классическихъ сочиненіяхъ по исторіи какъ римскаго такъ и германскаго права напр. у Эйхгорна, у Савиньи въ его исторіи римскаго права въ средніе вѣка, мы видимъ, на ряду съ глубокимъ изученіемъ источниковъ римскаго и національнаго германскаго права, такое же глубокое и спеціальное изученіе источниковъ права каноническаго. Такимъ образомъ исторія церковнаго права какъ внѣшняя, такъ и внутренняя т.-е. какъ изученіе церковно-юридическихъ памятниковъ, такъ и самаго развитія церковныхъ институтовъ получаетъ особенное значеніе въ области юридическихъ наукъ. Въ наукѣ церковнаго права долженъ получить особенную важность сравнительный методъ изученія права различныхъ христіанской вѣроисповѣданій. Тогда наука церковнаго права представитъ систему т.-е. внутреннее развитіе своего предмета, а не внѣшній только порядокъ матерій, тогда ясно опредѣлится ея отношеніе къ другимъ юридическимъ наукамъ и значеніе во всей области юриспруденціи.

Для насъ, русскихъ юристовъ, всего ближе конечно право нашей отечественной церкви. Съ пробужденіемъ потребности въ народномъ самосознаніи и интереса въ изученіи церковно-историческихъ и юридическихъ памятниковъ нашего прошедшаго, право нашей церкви, исторія ея устройства, управленія и жизни не только религіозной, но юридической, экономической и пр. безъ сомнѣнія должны получить живой и глубокой интересъ. Опыты въ этомъ родѣ изслѣдованій мы находимъ и въ нашей литературѣ, хотя нельзя не сознаться, что не вполне достаточная разработанность церковно-юридическихъ памятниковъ нашей древности и почти совершенная неизвѣстность и малодоступность ихъ за послѣднія два столѣтія не позволяютъ нашимъ ученымъ достигнуть такихъ же блистательныхъ и плодотворныхъ результатовъ въ наукѣ отечественнаго права, какіе добыты на западѣ. Очевидно при такомъ изученіи нашего церковнаго права—вопросъ не о бытіи одного

замкнутого сословія, но о всемъ церковно-государственномъ строѣ нашей жизни. Стоитъ припомнить исторію нашего древняго церковнаго суда, или развитіе у насъ церковной собственности для того, чтобы видѣть, какъ далеко эти два института выходятъ за предѣлы интересовъ одного сословія и какое огромное значеніе они имѣли въ общемъ строѣ государственной жизни нашей. Тѣ же задачи, какія сейчасъ указаны были мною для общаго церковнаго права, возникаютъ и относительно нашего отечественнаго права, тѣ же методы изслѣдованія должны быть приложены и къ нашему церковно-юридическому матеріалу. Едва ли нужно говорить, что на этомъ поприщѣ изслѣдователь долженъ встрѣтиться со многими трудностями, неизбежными въ новомъ дѣлѣ. Нужно прежде всего разобраться въ матеріалахъ, обработать ихъ научнымъ образомъ, извлечь изъ нихъ результаты помощью монографическихъ изслѣдованій и всѣ добытыя частности соединить въ одно систематическое цѣлое въ одну научную систему. Трудъ, какъ изволите видѣть, обширный, требующій соединенной работы многихъ. Но за то и результаты такого труда будутъ соразмѣрно велики и важны для насъ. Съ одной стороны мы вполне уяснимъ себѣ, какое вліяніе на наше отечественное право имѣло, чрезъ посредство церковнаго права, Византійское, а слѣдовательно и все римское право, что досталось нашему праву въ наслѣдство отъ классической древности, бывшей главнымъ источникомъ для права народовъ западныхъ, какъ наша юридическая жизнь вообще примыкаетъ въ древности. Съ другой стороны мы собственно для себя рѣшимъ тѣже современные вопросы, которые представляются при изученіи исторіи и догмы церковнаго права вообще.

Я на могъ бы въ предѣлахъ краткой академической рѣчи указать всѣ точки соприкосновенія между каноническимъ правомъ и другими юридическими науками, чтобы фактически разъяснить взаимную внутреннюю связь между ними. Къ тому же, неизбежная при этомъ, спеціализація по многимъ частнымъ вопросамъ и подробностямъ была бы, мнѣ кажется, не совсѣмъ удобною для публичной бесѣды.

Поэтому я рѣшился ограничиться общимъ очеркомъ вліянія христіанской церкви и выработаннаго ею права на историческое развитіе важнѣйшихъ правовыхъ институтовъ. И немногихъ опытовъ въ этомъ родѣ, мнѣ кажется, будетъ достаточно для того, чтобы видѣть, въ какой тѣсной связи стоитъ историческое изученіе права каждой страны и cadaго народа съ изученіемъ положенія церкви, какъ юридическаго института, принциповъ ея устройства и управленія, началъ ея законодательства и отношеній церкви къ государству и обществу въ данный періодъ. Постараемся поставить вопросъ на историческую почву и изъ фактическихъ данныхъ вывести нужные для насъ результаты.

Христіанская церковь явилась въ то время, когда міръ римскій вполне сложился, римское право вполне развилось и всѣ юридическія отношенія твердо опредѣлились. Образование первыхъ христіанскихъ обществъ на Востокѣ падаетъ на золотой вѣкъ римской юриспруденціи, на вѣкъ классическихъ юристовъ. Между тѣмъ въ этомъ знаменитомъ правѣ было многое, что совершенно не согласовалось съ идеями новой религіи и чего церковь не могла принять и ввести въ свою жизнь. Въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій, когда церковь существовала такъ сказать внѣ государственнаго и гражданскаго порядка, когда принадлежность къ христіанскому обществу влекла за собою потерю всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, внутренняя жизнь церкви организовалась на совершенно самостоятельныхъ началахъ, и всѣ отношенія членовъ церкви къ окружающему, но чуждому имъ обществу ограничивались или внѣшнимъ подчиненіемъ и покорностію власти и законамъ государства или, гдѣ такое подчиненіе оказалось бы не возможнымъ безъ нарушенія заповѣдей религіи и законовъ церкви,—готовностію жертвовать жизнью за неповиновеніе государственной власти. Въ этотъ трехвѣковой періодъ самозаключеннаго существованія церкви въ ней успѣло выработаться свое внутреннее устройство, свое управление, начала общественнаго порядка и отношеній—и все это было во многомъ не согласно съ старыми порядками, жившими кругомъ христіанъ въ языческомъ обществѣ. Это были

такъ сказать два теченія, двѣ жизни одна отживающая, устарѣвшая, другая молодая, полная свѣжихъ силъ и глубокой вѣры въ свое великое будущее. Когда въ IV ст. обѣ эти жизни были приведены въ непосредственное соприкосновеніе между собою, когда церковь получила полное существованіе въ Имперіи, тогда открылся весь глубокий разладъ между старымъ и новымъ порядкомъ, на мѣсто прежней внѣшней борьбы, гдѣ на одной сторонѣ было превосходство матеріальной силы, на другой непреодолимое мужество и терпѣніе, явилась борьба внутренняя, борьба началъ и принциповъ. Весь періодъ отъ Константина, до Юстиніана былъ переходнымъ временемъ въ жизни общественной; старые порядки не вдругъ уступали свое мѣсто новымъ, а христіанство еще только начинало тѣ преобразованія въ жизни государственной, общественной и гражданской, какія должно было произвести какъ религія новая, совершеннѣйшая и все объемляющая. Не имѣя возможности представить полную картину разложенія и переработки римскихъ институтовъ подъ вліяніемъ Византійскаго церковно-гражданскаго законодательства, я ограничусь здѣсь однимъ семейнымъ институтомъ и на немъ постараюсь представить великую революцію, произведенную церковію въ міръ древнемъ.

Основаніемъ всякаго гражданского общества служить семья; отъ чистоты и крѣпости основъ жизни семейной зависитъ прочность гражданского союза. И что же мы видимъ въ это время въ римской семьѣ, въ римскомъ семейномъ правѣ? Римляне, какъ и всѣ народы древности, смотрѣли на бракъ, какъ на учрежденіе политическое, назначенное для того, чтобы снабжать государство многочисленными и здоровыми гражданами. Такимъ образомъ гражданское чувство долга въ отношеніи къ государству должно было служить основаніемъ прочности супружескаго союза и бракъ былъ однимъ изъ гражданскихъ контрактовъ, который обыкновенно заключался при извѣстныхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Но съ упадкомъ міра древняго это гражданское чувство долга постоянно ослабѣвало. Въ то время когда явилось христіанство, бракъ былъ наименѣе тор-

жественнымъ изъ договоровъ: достаточно было одного взаимнаго согласія на видимое сожительство для дѣйствительности брака. Если супруги немогли долѣе выносить тяжести семейныхъ узъ, возможность развода была самая полная. Къ концу республики неудобства семейныхъ узъ были со всѣмъ устранены. Римляне почти вовсе перестали вступать въ законный бракъ и удовольствія жизни холостой предпочитали тяжелымъ обязанностямъ супружества. Уже законодательство должно было употребить принудительныя мѣры для того, чтобы спасти Римъ отъ запустѣнія. Августъ издалъ знаменитые законы Юлія и Пампія Поппея, главная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы всѣми средствами покровительствовать и поощрять супружество. Для этаго Августъ предоставляетъ особенныя преимущества женатому человѣку, еще большія тому изъ женатыхъ, кто имѣлъ дѣтей, и наконецъ еще значительнѣйшія тому, что имѣлъ троихъ дѣтей. Такимъ образомъ, имѣя много дѣтей, можно было обойти закономъ установленный возрастъ для полученія должности магистрата, потому что каждый ребенокъ сокращалъ положенный срокъ на одинъ годъ. Консулу имѣвшему дѣтей, предоставлялось самому выбирать себѣ ту или другую провинцію для управленія, кто имѣлъ 3 дѣтей въ Римѣ, 4 въ Испаніи и 5 въ провинціи, тотъ освобождался отъ всѣхъ личныхъ повинностей; свободныя римлянки имѣвшія 3 дѣтей и еманципированныя имѣвшія 4 дѣтей освобождались отъ постоянной опеки, которой были подчинены по римскимъ законамъ. Вообще вступленіе въ бракъ и обладаніе дѣтьми имѣло важное вліяніе на обладаніе собственностію супруговъ и на право наслѣдства. Холостые не могли наслѣдовать по завѣщанію отъ иностранцевъ, супруги, неимѣвшіе дѣтей, могли получить не болѣе половины имущества, оставшагося по смерти одного изъ нихъ; напротивъ имѣвшимъ трехъ дѣтей отдавалось все имущество сполна. Вторые браки не только были поощряемы, но предписывались; родители, почему-ли бо нехотѣвшіе отдавать своихъ дѣтей въ супружество, были принуждаемы къ тому властію. Римскимъ гражданамъ, если они не были сенаторами, дозволялось жениться на

вольнотпущенныхъ—великая переменѣна въ строгости древнихъ обычаевъ. Таково было направленіе римскаго законодательства о бракѣ. Изъ супружества, для того, чтобы заохотить къ нему, была сдѣлана спекуляція. Вступали въ бракъ, какъ говоритъ Плутархъ, и имѣли дѣтей не для того, чтобы имѣть наслѣдниковъ, но чтобы получать наслѣдство.

При такомъ взглядѣ общества и законодательства на брачныя отношенія трудно было предполагать въ нихъ прочность и чистоту. Разводъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же могло воспрепятствовать мужу бросить свою жену, когда законъ предоставлялъ ему право жизни и смерти надъ нею, когда жена была не болѣе, какъ вещь, находившеюся въ собственности мужа; если онъ не могъ ее продать, то имѣлъ право не только развестись съ нею, но публично уступить ее своему другу или сопернику, искавшему ея руки. Августъ, который самъ воспользовался этимъ страннымъ правомъ, чтобы приобрести себѣ Ливію (и при томъ беременную) жену Тиберія Нерона, сдѣлавшись императоромъ, ясно понялъ, что необходимо положить какія нибудь предѣлы этой безграничной свободѣ разводовъ. Онъ предписалъ для совершенія разводовъ нѣкоторыя торжественныя формальности, опредѣлилъ наказанія для супруговъ, которые подають поводъ къ разводамъ свою безнравственностію: виновная жена теряла часть своего приданого; виновный мужъ обязывался возвратить своей женѣ ея приданое въ опредѣленный срокъ; вольнотпущенная, если она выходила замужъ за своего патрона, лишалась всякаго права на разводъ. Но что могли значить такія палліативныя мѣры, когда самое понятіе образномъ союзѣ было унижено не только въ нравахъ и обычаяхъ, но въ самомъ законодательствѣ. „Нынѣ, говоритъ свидѣтель современникъ (Тертуліанъ), вступая въ бракъ дають обѣтъ развестись и разводъ сталъ роднымъ дѣтищемъ супружества.“

Подлѣ разшатавшагося гражданскаго брака въ Римѣ, ко времени образованія христіанской церкви, развился въ широкихъ размѣрахъ и получилъ легальное признаніе другой